

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 903.26+7.031.1"633/634"

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКЕ ЗООМОРФНЫХ
ИЗОБРАЖЕНИЙ ЭПОХ МЕЗОЛИТА – ЭНЕОЛИТА
НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Д. Н. Воробьёв

Тверской государственный университет,
кафедра социально-культурного сервиса,
г. Тверь, Россия

Предпринята попытка определения функционального и смыслового значения зооморфных изображений эпох мезолита–энеолита с территории Верхнего и Среднего Поволжья. Функция изделий определяется конструктивно-морфологическим анализом, поиском аналогий, сведениями о контексте обнаружения, этнографическими данными. Отмечается, что зооморфные образы помещались на функционально разные вещи, чаще всего использовавшиеся в ритуальных целях. Автор интерпретирует большинство изделий как подвески или нашивки, являвшиеся личными оберегами и талисманами. Изображенные на них животные выступали в качестве знаков, которые в разные периоды могли символизировать тотемистического первопредка, хозяев угодий и зверей, душу умершего родственника, календарные сезоны, трехуровневую схему мироустройства.

Ключевые слова: *зооморфные изображения, мезолит, неолит, энеолит, Верхнее и Среднее Поволжье, функция, семантика.*

Изучение различных сфер духовной культуры и мировоззрения древних обществ – это проблема крупного междисциплинарного исследования. Реконструкция их в сколько-нибудь полном объеме – задача, заведомо обречённая на неудачу. Никакая совокупность материальных, в том числе изобразительных памятников, не обеспечивает полноценного проникновения в мифологию оставившего их коллектива. Свидетельствами сложных воззрений человека на мир и его устройство, существования развитой мифологии и сложившихся верований являются и произведения искусства мезолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы.

Если функциональные особенности вещи можно определить по некоторым внешним признакам (наличие креплений, контекст находки), то разрешить проблемы смыслового значения изображений довольно сложно. Некоторые исследователи полагают, что проникнуть в семантику вещи без привлечения внешней по отношению к ней информации невозможно. Эта необходимая внешняя информация может базироваться на

наличии общих черт (культурных универсалий) в моделировании мира даже культурами, ни генетически, ни территориально между собой не связанными¹. И. М. Дьяконов отмечал: «... обнаружить общее в мифах первобытных и древних народов сравнительно нетрудно; эта общность объясняется одинаковыми средствами, с которыми разные древние народы подходили к познанию мира, и одинаковостью наиболее важных явлений, требующих осмысления»².

Источником такой внешней информации для зооморфных изображений мезолита – энеолита Верхнего и Среднего Поволжья могут считаться этнографические данные, связанные с историей финно-угорских народов, а также коренных народов Сибири и Дальнего Востока, которые отчасти отражают черты духовного мира, общие для подобного жизненного уклада. Однако когда речь идёт об интерпретации в этом ключе памятников первобытных бесписьменных обществ даже при обеспеченности большим количеством информативных данных нельзя рассчитывать на полную реконструкцию мифологии исследуемого общества. Речь может идти лишь о проникновении в принципы мировосприятия носителей этой мифологии³.

Исследователи полагают, что любая вещь, помимо чисто утилитарных функций, порождённых производственным, бытовым или иным прагматическим назначением, всегда в той или иной мере выступает как знак⁴. Для человека каменного века рукотворная вещь, а также природные и социальные явления были равноправны и тождественны: базой всей структуры мира являлся миф, поэтому любая вещь для него оказывалась носителем многообразной мифологической информации⁵. Поскольку мышление древнего человека было ассоциативно-образным, то первобытный охотник, осмысливая окружающий мир через миф, пытался отразить взаимосвязь самых сложных явлений через конкретные, доступные его пониманию образы⁶. Следовательно, семантика зооморфных изображений мезолита – не-

¹ Антонова Е. В., Раевский Д. С. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 219.

Antonova E. V., Raevskij D. S., *O znakovoj sushhnosti veshhestvennyh pamjatnikov i o sposobah ee interpretacii*, Problemy interpretacii pamjatnikov kul'tury Vostoka, M., 1991, S. 219.

² Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 15.

D'jakonov I. M., *Arhaicheskie mify Vostoka i Zapada*, M., 1990, S. 15.

³ Антонова Е. В., Раевский Д. С. Указ. соч. С. 223.

Antonova E. V., Raevskij D. S., *Op. cit.*, S. 223.

⁴ Байбурун А. К. Семиотический статус вещей // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1981. Вып. 37; Антонова Е. В., Раевский Д. С. Указ. соч.

Vajburin A. K., *Semioticheskij status veshhej*, Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii, M.; L., 1981, Vyp. 37; Antonova E. V., Raevskij D. S., *Op. cit.*

⁵ Антонова Е. В., Раевский Д. С. Указ. соч. С. 212.

Antonova E. V., Raevskij D. S., *Op. cit.*, S. 212.

⁶ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982. С. 10.

Toporov V. N., *Pervobytnye predstavlenija o mire (obshnij vzgljad)*, Oчерki istorii estestvennonauchnyh znaniy v drevnosti, M., 1982, S. 10.

олита – энеолита напрямую связана с осмыслением древним населением окружающего мира. «Животные в течение длительного времени служили некой наглядной парадигмой, отношения между элементами которой могли использоваться как определённая модель жизни человеческого общества и природы в целом (прежде всего в аспектах плодородия и цикличности). В мифопоэтическом сознании животные выступают как один из вариантов мифологического кода»⁷.

Многие костяные изображения птиц, млекопитающих и рыб снабжены элементами крепления (сквозное сверленное отверстие, кольцевая канавка или парные нарезки) и по своей функции, по мнению большинства исследователей, являлись подвесками или нашивками, украшавшими одежду или входившими в состав ожерелий⁸.

Погребальный контекст ряда костяных изображений птиц (около кисти правой руки погребения на стоянке Сахтыш I⁹, в коллективном погребении на стоянке Шагара I на участке между тазовыми костями подростка и женщины в скоплении подвесок из зубов кабана и лося¹⁰) с изучаемой, а также смежных территорий (мог. Звейниеки (Латвия), Тамула (Эстония))¹¹, свидетельствует о том, что они могли составлять часть набора украшений в сочетании с подвесками из просверленных зубов млекопитающих. Такие наборы могли носить на голове, шее, поясе. Контекст обнаружения ряда янтарных изображений млекопитающих (под затылком погребенных) из могильников Валма и Тамула (Эстония) позволили Е. А. Кашиной сделать предположение, что они крепились к головному

⁷ Топоров В. Н. Животные // Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1997. Т. 1. С. 448–449.

Топоров V. N., *Zhivotnye*, Mify narodov mira: jenciklopedija, M., 1997, T. 1, S. 448–449.

⁸ См. напр.: Цветкова И. К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции ГИМ. М., 1969; Студзицкая С. В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Труды ГИМ. М., 1994. Вып. 85.

Cvetkova I. K., *Ukrashenija i skul'ptura iz neoliticheskogo poselenija Chernaja Gora*, Jekspedicii GIM, M., 1969; Studzickaja S. V., *Osobennosti duhovnoj kul'tury volosovskih plemen*, Trudy GIM, M., 1994, Vyp. 85.

⁹ Крайнов Д. А., Уткин А. В. Погребения на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. М., 1991. Вып. 203. С. 77.

Krajnov D. A., Utkin A. V., *Pogrebenija na stojanke Sahtysh I*, Kratkie soobshhenija Instituta arheologii, M., 1991, Vyp. 203, S. 77.

¹⁰ Каверзнева Е. Д. Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // Российская археология. 1992. № 3. С. 153–156.

Kaverzneva E. D., *Shagarskij mogil'nik konca III – nachala II tysjacheletija do n.je. v Central'noj Meshhere*, Rossijskaja arheologija, 1992, № 3, S. 153–156.

¹¹ Кашина Е. А. Искусство малых форм неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 // Фонд РГБ. Шифр. дис.: 61 05 – 7/531. Л. 81.

Kashina E. A., *Iskusstvo malyh form neolita – jeneolita lesnoj zony Vostochnoj Evropy*: dis. ... kand. ist. nauk, M., 2005, Fond RGB, Shifr. dis.: 61 05 – 7/531, L. 81.

убору сзади¹². Кремневая фигурка птицы также найдена в районе затылка черепа одного из погребений Тенишевского могильника¹³.

Костяное изображение змеи найдено в коллективном погребении стоянки Сахтыш II среди обломков раздавленного черепа 20–25-летней женщины¹⁴. К сожалению, оно фрагментировано. Однако большинство костяных изображений змей из могильников Эстонии, Латвии, Беларуси снабжены элементами крепления (сверлеными отверстиями, канавкой) и по своей функции, как считают некоторые исследователи, также являлись подвесками или нашивками¹⁵. С этой точкой зрения не согласны А. В. Уткин и Е. Л. Костылева. Они отмечают, что местонахождение изделий на костяке не имеет ничего общего с расположением ни обычных подвесок, ни особых амулетов. Кроме того, они громоздки и в то же время достаточно ломки, что создавало бы определенные неудобства при движении человека, будь они нашиты на одежду¹⁶. С другой стороны, возможно, этим и объясняется, что многие из них найдены фрагментированными в слоях поселений, т. е. были утеряны в результате поломки. Можно предположить, что сломанные, но не утерянные изделия сохранялись, а после смерти их владельца помещались вместе с ним в могилу, поэтому и месторасположение подобных фрагментов необычно для подвесок или амулетов.

Глиняный диск с изображением головы оленя со стоянки Сахтыш VIII также имеет сквозное отверстие¹⁷, очевидно, для подвешивания этого предмета.

Кремневое изображение медведя со стоянки Шагара II было изготовлено на отщепе с естественным отверстием, которое вполне могло быть

¹² *Кашина Е. А.* Искусство малых форм... Л. 114.

Kashina E. A., *Iskusstvo malyh form...*, L. 114.

¹³ *Габяшев Р. С., Беговатов Е. А.* Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1984. Вып. 8. С. 66–67.

Gabjashev R. S., Begovatov E. A., Tenishevskij («Sorokin Bugor») jeneoliticheskiy mogil'nik (predvaritel'naja publikacija), *Arheologija i jetrografija Marijskogo kraja,* *Joshkar-Ola,* 1984, *Vyp. 8,* S. 66–67.

¹⁴ *Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Скульптурные изображения змей в эпохи мезолита – энеолита в лесной зоне Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. Т. I. С. 218.

Utkin A. V., Kostyleva E. L., *Skul'pturnye izobrazhenija zmej v jepohi mezolita – jeneolita v lesnoj zone Vostochnoj Evropy,* *Tverskoj arheologicheskij sbornik, Tver',* 2000, *Vyp. 4, T. I,* S. 218.

¹⁵ *Лозе И. А.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 178.

Loze I. A., Reznaja skul'ptura kamennogo veka Vostochnoj Pribaltiki v sootnoshenii s ural'skoj skul'pturoj, *Problemy arheologii Urala i Sibiri,* М., 1973, S. 178.

¹⁶ *Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Скульптурные изображения... С. 220.

Utkin A. V., Kostyleva E. L., *Skul'pturnye izobrazhenija...*, S. 220.

¹⁷ *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимица М. П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992. С. 72. Рис. 90.

Oshibkina S. V., Krajnov D. A., Zimica M. P., *Iskusstvo kamennogo veka: Lesnaja zona Vostochnoj Evropy,* М., 1992, S. 72, *Ris. 90.*

приспособлено для продевания шнура и ношения изделия¹⁸. Об использовании многих кремневых изображений птиц, млекопитающих и рыб в качестве нашивок на одежду могут свидетельствовать небольшие выемки на одном или двух противоположных краях фигурок. Наличие выступов и утолщений на концах на ряде кремневых изделий, в том числе и изображениях змей, также могут говорить об их нашивании или подвешивании. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является заполированность поверхностей некоторых фигурок, отмечаемая рядом исследователей¹⁹. Свойственно ли это большинству скульптур, сказать сложно, так как выявление подобных деталей требует специальных исследований. Большая часть кремневых изделий лишена специальных предположительных элементов креплений, но, возможно, они и не требовались, потому что сама конструкция изображений располагает местами для привязывания (например, у млекопитающих, птиц, змей в области шеи, у рыб в районе хвоста). Как пишет Е. А. Кашина, ссылаясь на устное сообщение Е. Л. Костылевой, некоторые кремневые скульптуры Сахтышских стоянок подвергались трасологическому исследованию, на них были выявлены «следы привязывания» (в частности, в области «шеи») ²⁰. Так что наше предположение о функции этих изделий с проведением специальных исследований для большего числа находок вполне может подтвердиться.

Особенностью двух костяных фигурок из Сахтыша I является зубчатое оформление края изделия: на одной – шеи, спины и хвоста, на другой – только хвоста²¹. Это позволяет рассматривать данные изображения и как штампы для орнаментации керамики.

Абсолютное большинство костяных и кремневых скульптур птиц, млекопитающих, пресмыкающихся, рыб, интерпретируемых предположительно как подвески или нашивки, происходит из слоев поселений рассматриваемых памятников. Несколько изображений были обнаружены в

¹⁸ Воробьев Д. Н. Зооморфизм в искусстве Верхнего и Среднего Поволжья в эпоху мезолита – неолита: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 // Фонд РГБ. Шифр. дис.: 61 10 – 7/40. Л. 251. Рис. 263.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve Verhnego i Srednego Povolzh'ja v jepohu mezolita – jeneolita*: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2009, Fond RGB, Shifr. dis.: 61 10 – 7/40, L. 251, Ris. 263.

¹⁹ Гурина Н. Н. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975; Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIA // Археологические вести. СПб., 1993. № 2.

Gurina N. N., *K voprosu o rannem neolite Verhnego Povolzh'ja*, Pamjatniki drevnejšej istorii Evrazii, M., 1975; Krajnov D. A., Kostyleva E. L., Utkin A. V., *Pogrebenija i ritual'nye komplekсы na stojanke Sahtyšh IIA*, Arheologicheskie vesti, SPb., 1993, № 2.

²⁰ Кашина Е. А. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Вып. 6. Т. I. С. 412.

Kashina E. A., *K voprosu ob antropomorfnyh izobrazhenijah iz kremnja v lesnoj zone Evropejskoj Rossii*, Tverskoj arheologičeskij sbornik, Tver', 2006, Вып. 6, Т. I, S. 412.

²¹ Воробьев Д. Н. Зооморфизм в искусстве... Л. 229. Рис. 30. Л. 246. Рис. 195.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 229, Ris. 30, L. 246, Ris. 195.

придонной части жилищ. В жилище на стоянке Сахтыш I найдены сразу шесть изображений: два бобра, две куницы, сом, черепаха(?)²². Можно лишь предполагать, что в ряде случаев найденные в одном жилище изделия могли составлять какой-то набор и попасть в слой одновременно. Восемь изображений были обнаружены в погребениях: шесть птиц, змея, млекопитающее.

Таким образом, можно отметить, что на функционально одинаковые предметы помещались разные образы: птиц, млекопитающих, пресмыкающихся, рыб, фантастических существ. Контекст обнаружения этих изображений разнообразен, причем каких-либо сюжетных закономерностей не наблюдается: в погребениях, так же как и на поселениях, встречаются изображения птиц, млекопитающих, пресмыкающихся. В некоторых случаях эти изделия, вероятно, составляли какие-то наборы. Факты совместного обнаружения фиксируются также и на поселениях, и в погребениях. Следует, видимо, согласиться с выводом Е. А. Кашиной, что все эти предметы использовались в повседневной жизни и попадали в культурный слой в случае поломки (количество поврежденных экземпляров значительное) или утери, а не относились исключительно к деталям погребального убранства²³. Правда, позднее сама исследователь несколько пересмотрела свою точку зрения и предположила, что скульптуры могли выбрасываться намеренно, по определенным причинам и не исключено в определенных местах (например, изображения птиц – в жилищах)²⁴. Появление большего числа точно зафиксированных находок сможет подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Одной из важнейших культурно-мифологических универсалий является представление о структуре пространства. Именно пространственный код определяет способы построения весьма разнообразных по своей природе архаических текстов и оказывает влияние на формирование семантики вещей²⁵. Архаичные мифы представляют вселенную состоящей из трех частей: нижнего мира, среднего мира и верхнего (небесного) мира. Наряду с этим существует представление о горизонтальной модели вселенной, где символическое значение приобретают пространственные координаты (стороны света, противопоставления левый – правый и т. д.). Нередко две структуры мироздания – вертикальная и горизонтальная – взаимопересе-

²² Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П. Указ. соч. С. 91–95.

Oshibkina S. V., Krajnov D. A., Zimina M. P., *Op. cit.*, S. 91–95.

²³ Кашина Е. А. Искусство малых форм... Л. 82, 96, 114, 121, 130.

Kashina E. A., *Iskusstvo malyh form...*, L. 82, 96, 114, 121, 130.

²⁴ Кашина Е. А. Кремневая антропоморфная скульптура без рук в центре Русской равнины // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. I. С. 462.

Kashina E. A., *Kremnevaja antropomorfnaia skul'ptura bez ruk v centre Russkoj ravniny*, Tverskoj arheologicheskij sbornik, Tver', 2015, Вып. 10, Т. I, S. 462.

²⁵ Антонова Е. В., Раевский Д. С. Указ. соч. С. 220.

Antonova E. V., Raevskij D. S., *Op. cit.*, S. 220.

каются, что проявляется в одинаковых названиях для соответствующих пар: север – низ, юг – верх, север – левый²⁶.

Зооморфные изображения, используемые как подвески/нашивки, по мнению некоторых исследователей, выступали в качестве личных оберегов и талисманов²⁷. Видимо, не случайно на подавляющем большинстве кремневых фигурок медведь изображен стоящим на задних лапах, т. е. в позе защиты. При этом изображения птиц, лося могли символизировать покровительство высшей сферы, а изображения медведя, бобра, змеи, ящерицы и рыбы – нижнего мира. Причем данную функцию они должны были выполнять, вероятно, как при жизни человека, так и после его смерти.

По данным уральского фольклора и этнографии водоплавающая птица в пространственной картине мира была связана с верхом, т. е. с небом, что в горизонтальной проекции соответствует южному направлению, откуда эти птицы каждую весну прилетали²⁸.

Очень интересна двухголовая фигурка–подвеска со стоянки Николо-Перевоз²⁹. Изображения двухголовых фигур животных – обычно лося и водоплавающей птицы, как отмечают исследователи, представлены в культуре древних жителей Северной Евразии начиная с эпохи неолита³⁰. (Возможно, изделия из Замостья II, небесспорно трактуемые как сдвоенные изображения голов лося, отнесут возникновение данного сюжета в эпоху позднего мезолита³¹.) Некоторые исследователи предполагают, что при изображении двухголовых существ используется особый художественный прием – метод умножения семантически значимых частей тела³². В отношении подвесок-оберегов полагают, что это служит цели усиления мощи и силы исходного символа. Об охранительном значении птиц-подвесок для

²⁶ Подробнее см.: *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // *Очерки истории естественнонаучных знаний в древности*. М., 1982; *Его же*. Модель мира // *Мифы народов мира: энциклопедия*. М., 1997. Т. 2.

Топоров В. Н., *Pervobytnye predstavlenija o mire (obshnij vzgljad)*, *Oчерки istorii estestvennonauchnyh znaniij v drevnosti*, М., 1982; *Топоров В. Н.*, *Model' mira, Mify narodov mira: jenciklopedija*, М., 1997, Т. 2.

²⁷ *Жульников А. М.* Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006. С. 33.

Zhul'nikov A. M., *Petroglify Karelii: Obraz mira i miry obrazov*, Petrozavodsk, 2006, S. 33.

²⁸ *Косинская Л. Л.* Сосуд со стоянки Бож-ты // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 2. С. 124.

Kosinskaja L. L., *Sosud so stojanki Bozh-ty*, *Arheologija v puti ili put' arheologa*, SPb., 2001, Ch. 2, S. 124.

²⁹ *Воробьев Д. Н.* Зооморфизм в искусстве... Л. 231. Рис. 50.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 231, Ris. 50.

³⁰ Подробнее см.: *Жульников А. М.* Указ. соч. С. 46–56.

Zhul'nikov A. M., *Op. cit.*, S. 46–56.

³¹ *Воробьев Д. Н.* Зооморфизм в искусстве... Л. 244. Рис. 183, 184.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 244, Ris. 183, 184.

³² *Оятева Е. И.* Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь, 2003. С. 54.

Ojateva E. I., *Iskusstvo Prikam'ja po materialam hudozhestvennoj metallicheskoj plastiki*, Perm', 2003, S. 54.

их владельцев, как считают некоторые исследователи, можно судить и по их находкам в погребальных комплексах, в том числе парных изображений (Тамула, Звейниeki, Шагара I)³³.

Несмотря на некоторую противоречивость образа лося, свойственную мифологической логике, он в целом у большинства народов Северной Евразии воспринимается как светлый космический зверь, связанный преимущественно с верхним миром; отсюда его отождествление с Солнцем, а также с созвездием Большой Медведицы, которая у многих таежных сибирских народов называется созвездием Лося³⁴.

Именно поэтому упомянутый выше глиняный диск с изображением головы оленя Б. А. Рыбаков связывал с культом небесного оленя и лося³⁵. Изображение заключено в замкнутый круг, что, по мнению Б. А. Рыбакова, отражает «высшую сферу», из которой олень взирает с небес на землю. С. В. Ошибкина на поздненеолитическом поселении Модлона в Восточном Прионежье нашла скульптуру головы лося (г-образный «жезл») с солярным знаком, вырезанным с обеих сторон на морде лося, в углублении между горлом и нижней челюстью³⁶. Также в наскальных изображениях Урала, Сибири и Карелии встречаются композиции, изображающие лося и солярный знак³⁷.

Как отмечает М. Ф. Косарев, хотя в фольклоре и ритуалах распространенного по всей Северной Евразии «медвежьего праздника» подчеркивается (особенно у обских угров) его небесное происхождение, он по ряду признаков более похож на существо нижнего мира. Исследователь приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о преимущественно «нижней» принадлежности медведя³⁸.

³³ Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П. Указ. соч. С. 97; Кашина Е. А. Искусство малых форм... Л. 83–84.

Oshibkina S. V., Krajnov D. A., Zimina M. P., *Op. cit.*, S. 97; Kashina E. A., *Iskusstvo malyh form...*, L. 83–84.

³⁴ Окладников А. П. Олень Золотые Рога. М.; Л., 1964; Конаков Н. Д. Календарная символика уральского язычества. Сыктывкар, 1990; Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2008.

Okladnikov A. P., *Olen' Zoloty Roga*, M.; L., 1964; Konakov N. D., *Kalendarsnaja simbolika ural'skogo jazychestva*, Syktyvkar, 1990; Kosarev M. F., *Osnovy jazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arheologo-jetnograficheskim materialam*, M., 2008.

³⁵ Рыбаков Б. А. Новые данные о культе оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 57.

Rybakov B. A., *Novye dannye o kul'te olenja*, Vostochnaja Evropa v jepohu kamnja i bronzy, M., 1976, S. 57.

³⁶ Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

Oshibkina S. V., *Neolit Vostochnogo Prionezh'ja*, M., 1978.

³⁷ Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936; Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск, 1979.

Ravdonikas V. I., *Naskal'nye izobrazhenija Onezhskogo ozera*, M.; L., 1936; Okladnikov A. P., Mazin A. I., *Pisanicny bassejna reki Aldan*, Novosibirsk, 1979.

³⁸ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания... С. 60–66.

Kosarev M. F., *Osnovy jazycheskogo miroponimaniya...*, S. 60–66.

Образ бобра в сибирском язычестве весьма сложен и противоречив: несмотря на многие земные, человеческие качества, бобр считался «нижним» зверем из-за преимущественно водного образа жизни³⁹. Видимо, именно с этим связано то, что все учтенные нами изображения бобра показывают это животное в проекции сверху (то же самое касается и изображений пресмыкающихся), в то время как персонажи среднего мира – в профиль или фронтально, а ряд изображений птиц как обитателей верхнего мира – в проекции снизу.

А. В. Головнев отмечает двойственное отношение к змее, как и ко всем другим земноводным, связанное с их принадлежностью к нижнему миру у многих сибирских народов⁴⁰. Однако в образе змеи выявляются и функции оберега: змеи покровительствуют человеческим душам, провожая их в загробный мир и помогая преодолевать встречающиеся на пути препятствия и опасности⁴¹. Похожую роль выполняла и ящерица. Она была ближайшим духом-помощником эвенкийского шамана в его путешествиях по нижнему миру. По мнению М. Ф. Косарева, змея и ящерица издревле олицетворяли таинства страны мертвых, символизировали Нижний Мир Вселенной⁴².

О том, что змея могла восприниматься как своеобразный посредник между миром живых и миром мертвых, возможно, свидетельствует ряд скульптур этой рептилии, которые изображают её в движении, что подчеркнуто зигзагообразной формой тела.

Изображения птиц, медведя, рыб в категории подвесок/нашивок могли символизировать и душу конкретного человека, умершего родственника, теперь помогающего своим сородичам, оберегающего и ведущего их по жизни, обеспечивающего удачу и благосостояние.

Согласно верованиям многих народов, душа человека после смерти улетает в образе водоплавающей птицы. Иногда душу человека, покидающую тело во сне, олицетворяет не только водоплавающая, но и боровая птица, например, глухарка или тетерка⁴³. В своем птичьем облике душа-птица жила в волосах человека, поэтому излюбленными накосными украшениями вогульских и остяцких женщин были бронзовые изображения птичек⁴⁴. Как упоминалось выше, некоторые скульптурные изображения птиц обнаружены как раз в районе головы погребенных.

³⁹ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания... С. 72.

Косарев М. Ф., *Osnovy jazycheskogo miroponimaniya...*, S. 72.

⁴⁰ Головнев А. В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 523–524.

Golovnev A. V., *Govorjashhie kul'tury: Tradicii samodijcev i ugrov*, Ekaterinburg, 1995, S. 523–524.

⁴¹ Там же. С. 524.

Ibid, S. 524.

⁴² Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 192.

Косарев М. Ф., *Zapadnaja Sibir' v drevnosti*, М., 1984, S. 192.

⁴³ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания... С. 125.

Косарев М. Ф., *Osnovy jazycheskogo miroponimaniya...*, S. 125.

⁴⁴ Там же. С. 127.

Селькупы полагали, что в каждом медведе заключена человеческая душа. Если медведь убит, это значит, что человеческая душа не выдержала своего звериного пребывания и медведь захотел, чтобы его убили. Медвежий праздник после убийства медведя – это праздник освобождения человеческой души из медвежьего тела⁴⁵.

Сибирские этнографы отметили ряд запретов, распространяющихся на некоторые породы рыб. М. Ф. Косарев считает, что причина этих ограничений кроется в представлениях о посмертной судьбе утопленников: по верованиям ряда народов душа утопленника становилась рыбой – помощником хозяина воды⁴⁶.

Выбор отдельных образов в качестве оберегов и талисманов мог быть связан с тотемистическими представлениями о первопредке.

В качестве тотемов родов и отдельных родовых групп у разных народов почитались самые различные породы птиц, в частности орел, ястреб, глухарь, журавль, ворон, лебедь, филин⁴⁷.

М. Ф. Косарев считает, что главная идея медвежьего праздника – чествование пришельца из внеземных сфер, который вполне может быть и тотемным предком⁴⁸. Возможно, именно этим объясняется «человекообразие» многих учтенных нами изображений медведя.

Считается, что зоантропоморфные персонажи в искусстве часто являются изображением первопредков. Древнейшие мифологические источники описывают окружающий мир как мир животных, где люди – это те же животные, но без шкуры и все происходят от единого предка – животного-человека⁴⁹. По поверьям, от первопредков зависела удача на охоте, благополучие людей⁵⁰.

Некоторые образы, запечатленные в подвесках/нашивках, могли символизировать хозяев угодий и зверей, покровительство которых должно было обеспечить удачу в промыслах.

В мифологии саамов боги – хозяева угодий и зверей – имеют зоантропоморфный облик⁵¹. В ходе обрядовых церемоний «медвежьего праздни-

Ibid, S. 127.

⁴⁵ *Пелих Г. И.* Селькупская мифология. Томск, 1998. С. 56.

Pelih G. I., Sel'kupskaja mifologija, Tomsk, 1998, S. 56.

⁴⁶ *Косарев М. Ф.* Основы языческого миропонимания... С. 88.

Kosarev M. F., Osnovy jazyčeskogo miroponimanija..., S. 88.

⁴⁷ *Косарев М. Ф.* Сибирский тотемизм: иллюзия и действительность // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 103.

Kosarev M. F., Sibirskij totemizn: illjuzija i dejstvitel'nost', Arheologo-jetnograficheskie issledovanija v južnotaežnoj zone Zapadnoj Sibiri, Tomsk, 2003, S. 103.

⁴⁸ *Косарев М. Ф.* Основы языческого миропонимания... С. 64.

Kosarev M. F., Osnovy jazyčeskogo miroponimanija..., S. 64.

⁴⁹ *Торогов В. Н.* Животные... С. 442.

Torogov V. N., Životnye..., S. 442.

⁵⁰ *Жульников А. М.* Указ. соч. С. 80.

Zhul'nikov A. M., Op. cit., S. 80.

⁵¹ *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М., 2003. С. 172.

ка» у различных народов медведя называют «лесной князь», «хозяин тайги», «царь леса»⁵². По сведениям А. Ф. Анисимова, у эвенков существовал обобщенный образ хозяйки тайги и матери зверей, который отождествлялся с наиболее крупным из копытных зверей тайги – с лосем или диким оленем⁵³.

В данном контексте интересна фигурка, изображающая сома⁵⁴. Сом – наиболее крупная рыба в исследуемом регионе, а наиболее крупные представители того или иного вида животных являлись, согласно логике архаичного мышления, главными в своем роде⁵⁵. У хантов, например, существовало особое отношение к некоторым видам рыб, резко отличающихся от других своим обликом и размерами. Обладание ими должно было предопределить, что и весь «рыбный род» станет собственностью людей. Кожа от таких рыб тщательно хранилась в жилище вместе с другими предметами культа⁵⁶. Стерлядь и осетр, кости и изображения которых встречаются на памятниках исследуемого региона в неолите – энеолите, также являются весьма крупными рыбами, которые вполне могли восприниматься первобытными людьми в качестве воплощений «хозяев» водного мира.

Ряд исследователей считает, что в скульптурных подвесках/нашивках отражались знаки обладания их владельцами определенного социального статуса, а также они могли являться половозрастными маркерами⁵⁷. Из-за многочисленности изображений птиц можно предположить, что они символизировали некое «среднее» социальное положение. Лоси и медведи обозначали высший статус, бобры, куницы и змеи – более низкий. Данная гипотеза, конечно, требует тщательной верификации на археологических материалах, но и она имеет право на существование.

Таким образом, определение смысловой нагрузки представленных в подвесках/нашивках образов неоднозначно. Также сложным вопросом, ответа на который пока не найдено, является малое число подобных находок

Petruhin V. Ja., *Mify finno-ugrov*, M., 2003, S. 172.

⁵² *Kosarev M. Ф.* Основы языческого миропонимания... С. 50–63.

Kosarev M. F., *Osnovy jazыcheskogo miroponimaniya...*, S. 50–63.

⁵³ *Анисимов А. Ф.* Представления эвенков о шингкэн'ах и проблема происхождения первобытной религии // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 179.

Anisimov A. F., *Predstavlenija jevenkov o shingkjen'ah i problema proishozhdenija pervobytnoj religii*, Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii, M.; L., 1949, T. 12, S. 179.

⁵⁴ *Воробьев Д. Н.* Зооморфизм в искусстве... Л. 255. Рис. 297.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 255, Ris. 297.

⁵⁵ *Леву-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 302.

Levi-Stros K., *Pervobytnoe myshlenie*, M., 1994, S. 302.

⁵⁶ *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977. С. 175.

Kulemzin V. M., Lukina N. V., *Vasjugansko-vahovskie hanty v konce XIX – nachale XX vv. Jetnograficheskie ocherki*, Tomsk, 1977, S. 175.

⁵⁷ *Жульников А. М., Кашина Е. А.* Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // Российская археология. 2010. № 2. С. 14–15.

Zhul'nikov A. M., Kashina E. A., *Obraz pticy v iskusstve neolita – jeneolita lesnoj zony Vostochnoj Evropy*, Rossijskaja arheologija, 2010, № 2, S. 14–15.

в погребениях, ведь личный оберег или половозрастной/социальный атрибут должен быть у каждого человека.

Сосуды с головами животных и людей на крае венчика встречаются на памятниках Евразии с эпохи неолита. Исследователи предполагают особое назначение таких сосудов, причем скульптурные изображения на них интерпретируются как охранители сосуда и его содержимого⁵⁸. Возможно, сосуд с фигурным налепом в виде головы медведя, обнаруженный в кострище одного из жилищ поселения Галанкина Гора, может свидетельствовать об охранительном значении для очага⁵⁹.

Исследователи, изучавшие изображения птиц на керамике, отмечают редкость подобных находок, на основании чего делается вывод о том, что их функциональное назначение было особым и, скорее всего, ритуальным⁶⁰. Ученые предполагают, что изготовление сосудов, украшенных графическими изображениями птиц, могло быть приурочено к неким обрядам магического характера, направленным на приумножение птицы и (или) обеспечение охотничьего успеха.

О сакральной значимости сосуда как вместилища жизненного начала – воды и использовании его в ритуалах исследователи писали не раз⁶¹. Они считают, что графические рисунки на ряде сосудов из памятников каменного века Урала и Зауралья передают космогонические представления древнего населения⁶².

⁵⁸ Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 29.

Moshinskaja V. I., *Drevnjaja skulptura Urala i Zapadnoj Sibiri*, М., 1976, S. 29.

⁵⁹ Соловьев Б. С. Новые раскопки поселения Галанкина Гора // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 13. С. 83.

Solov'ev B. S., *Novye raskopki poselenija Galankina Gora*, Arheologija i jetnografija Marijskogo kraja, Joshkar-Ola, 1987, Vyp. 13, S. 83.

⁶⁰ Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Труды ГИМ. М., 1940. Вып. X; Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1961. № 87; Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимица М. П. Указ. соч.

Jeding D. N., *Reznaja skulptura Urala*, Trudy GIM, М., 1940, Vyp. X; Gurina N. N., *Drevnjaja istorija severo-zapada Evropejskoj chasti SSSR*, Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, М.; Л., 1961, № 87; Oshibkina S. V., Krajnov D. A., Zimina M. P., *Op. cit.*

⁶¹ Викторова В. Д., Чаиркина М. Н., Широков В. Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1997. № 4; Ковалева В. Т. Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 24.

Viktorova V. D., Chairkina M. N., Shirokov V. N., *Gora i vodoplavajushhaja ptica v mirovidenii drevnego ural'skogo naselenija*, Ural'skij istoricheskij vestnik, Ekaterinburg, 1997, № 4; Kovaleva V. T., *Arhaicheskie modeli mirozdaniya zaural'skogo naselenija (po arheologicheskim istochnikam)*, Voprosy arheologii Urala, Ekaterinburg, 2002, Vyp. 24.

⁶² Ковалева В. Т., Цанко Ю. Г. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 19.

На фрагментах керамики с изображениями водоплавающих птиц из памятников неолита – энеолита Верхнего и Среднего Поволжья, помимо самих птиц всегда встречаются дополнительные детали орнамента из ямочных и гребенчатых отпечатков, наколов, в которых некоторые исследователи видят символику воды⁶³. Принимая во внимание универсальный миф о сотворении мира (сюжет о нырянии за землей на дно мирового океана), где в роли демиурга очень часто выступает водоплавающая птица⁶⁴, можно трактовать рассматриваемые сосуды как иллюстрации этого мифа. В различных версиях мифа чаще всего предпринимается несколько попыток достать со дна горсть земли, причем разными видами водоплавающих птиц (гагара, гоголь, гусь, лебедь, утка), но получается только у одной. Возможно, изображенные по-разному птицы на фрагментах сосудов из стоянок Коломцы и Кубенино⁶⁵ передают этот мифологический эпизод. В данном контексте интересны два фрагмента с изображениями птиц (судя по всему, одиночных) на внутренней стороне черепков с Федоровского поселения⁶⁶: когда сосуд был наполнен, то птицы оказывались под водой. К сожалению, до сих пор не найдено ни одного целого сосуда (даже ни одного полного венчика) с подобными изображениями.

Два фрагмента глиняных сосудов были обнаружены в жилище Майданской стоянки: один – с изображением головы лося, второй – с изображением водоплавающей птицы⁶⁷. Оба изображения выполнены в сходной

Kovaleva V. T., Sapko Ju. G., *Problema jevoljucii hudozhestvennogo stilja i kul'tury naselenija lesnoj zony Urala v kamennom veke*, Voprosy arheologii Urala, Ekaterinburg, 1998, Vyp. 23, S. 19.

⁶³ Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // Краткие сообщения Института археологии. М., 1972. Вып. 131. С. 40; Никитин В. В. Волосовские племена на Средней Волге // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 3. С. 37–38.

Gurina N. N., *Vodoplavajushhaja ptica v iskusstve neoliticheskikh lesnyh plemen*, Kratkie soobshhenija Instituta arheologii, M., 1972, Vyp. 131, S. 40; Nikitin V. V., *Volosovskie plemena na Srednej Volge*, Arheologija i jetnografija Marijskogo kraja, Joshkar-Ola, 1978, Vyp. 3, S. 37–38.

⁶⁴ Шахнович М. И. Мифы о сотворении мира. М., 1969; Карельское народное поэтическое творчество. Л., 1981; Нанольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990; Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания...

Shahnovich M. I., *Mify o sotvorenii mira*, M., 1969; Karel'skoe narodnoe poeticheskoe tvorcestvo, L., 1981; Napol'skih V. V., *Drevnejshie finno-ugorskie mify o vzniknovenii zemli*, Mirovozzrenie finno-ugorskih narodov, Novosibirsk, 1990; Kosarev M. F., *Osnovy jazycheskogo miroponimania...*

⁶⁵ Гурина Н. Н. Водоплавающая птица... С. 41. Рис. 10:10,12.

Gurina N. N., *Vodoplavajushhaja ptica...*, S. 41, Ris. 10:10,12.

⁶⁶ Гаврилова И. В. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // Краткие сообщения Института археологии. М., 1972. Вып. 131. С. 116. Рис. 35:1,3.

Gavrilova I. V., *Zoomorfnye izobrazhenija na keramike Fedorovskogo poselenija*, Kratkie soobshhenija Instituta arheologii, M., 1972, Vyp. 131, S. 116, Ris. 35:1,3.

⁶⁷ Никитин В. В. Энеолит Волго-Вятского междуречья: дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1982 // Фонд РГБ. Шифр. дис.: 61 84 – 7/100-х. Л. 318. Рис. 177:3,4.

манере зубчатым штампом и имеют дополнительные детали орнамента в виде наколов, поэтому можно предполагать, что эти сосуды бытовали одновременно. Они также могли участвовать в ритуалах промыслового характера, причем в данном случае изображенные образы могли выступать и как календарные символы: в качестве зооморфного символа осенне-зимнего периода в мифологии сибирских народов обычно выступает лось (олень), в качестве весенне-летнего – медведь или водоплавающая птица⁶⁸.

А. М. Жульников и Е. А. Кашина считают, что с изображениями птиц на керамике тесно связаны лепные фигурки птиц: и те и другие имеют сходные средние размеры, выполнены со строгим соблюдением одного угла между образующими линиями; и те и другие существовали синхронно в рамках одних культур. Исследователи предполагают, что и первые, и вторые могли иметь отношение к наборам глиняных скульптур (птиц, млекопитающих, змей, человека). Правда, относительно достоверных фактов их совместного нахождения имеется немного. Ученые связывает эти наборы с сугубо домашними ритуалами: набор символизировал в миниатюре картину мира, воссоздаваемую в рамках дома, и должен был способствовать благополучию и воспроизводству конкретного коллектива, проживающего в нем. Сосуды с вереницей водоплавающих птиц, дополнявшие эти наборы, демонстрируют идею приумножения самим количеством изображенных особей⁶⁹.

Исследователи не раз отмечали небрежность, с которой изготовлены глиняные фигурки птиц (на поверхности видны отпечатки пальцев, на некоторых участках фрагменты массы не сведены и не заглажены, многие скульптуры имеют трещиноватую поверхность, возникшую при обжиге)⁷⁰. Они полагают, что использование их было кратковременным, возможно одноразовым, после чего они выбрасывались или даже намеренно уничтожались.

Наличие у ряда изображений отверстий в туловище, как полагают некоторые исследователи, позволяет предположить, что фигурки могли насаживаться на щепки или тростинки, например, втыкаемые в землю. Другие считают, что эти палочки имели сугубо утилитарное назначение: пре-

Nikitin V. V., *Jeneolit Volgo-Vjatskogo mezhdurech'ja*: dis. ... kand. ist. nauk, Joshkar-Ola, 1982, Fond RGB, Shifr. dis.: 61 84 – 7/100-h, L. 318, Ris. 177:3,4.

⁶⁸ Жульников А. М. Указ. соч. С. 44.

Zhul'nikov A. M., *Op. cit.*, S. 44.

⁶⁹ Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы... С. 11–12.

Zhul'nikov A. M., Kashina E. A., *Obraz pticy...*, S. 11–12.

⁷⁰ Журавлев А. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок 1 // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972; Уткин А. В., Костылева Е. Л. Льяловская фигурка птицы из глины с Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998; Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы...

Zhuravlev A. P., *Skul'pturki i nekotorye drugie glinjanje izdelija iz jeneoliticheskogo poselenija Vigajnavolok 1*, Arheologicheskie issledovanija v Karelii, L., 1972; Utkin A. V., Kostyleva E. L., *L'jalovskaja figurka pticy iz gliny s Ivanovskogo bolota*, Nekotorye itogi izuchenija arheologicheskikh pamjatnikov Ivanovskogo bolota, Ivanovo, 1998; Zhul'nikov A. M., Kashina E. A., *Obraz pticy...*

дохраняли фигурки от соприкосновения с землей во время обжига. Однако эта версия не объясняет отсутствия отверстий у остальных скульптур⁷¹.

Нахождение ряда лепных изображений в жилищах может в каких-то случаях свидетельствовать об охранительном, покровительственном значении для дома и живущих там людей. К сожалению, таких случаев имеется очень мало.

С учетом этих данных, а также приведенных ранее сведений о местонахождении подвесок/нашивок, глиняных сосудов можно отметить совместное обнаружение в жилищах изображений как одного животного, так и различных (и даже антропоморфного). Как было отмечено выше, мы можем лишь предполагать, что в ряде случаев найденные в одном жилище изделия могли составлять какой-то набор и попасть в слой одновременно. Без знания более точного контекста расположения подобных вещей внутри жилища мы не можем делать никаких выводов.

Относительно назначения ковшей (и ложек) с зооморфными головами существует три точки зрения: использование их исключительно в особых (ритуальных) целях⁷², повседневное (утилитарное) использование⁷³, и то, и другое одновременно, так как для человека той эпохи не существовало разделения между культовыми и «бытовыми» действиями, использование такого рода предметов вполне могло быть «бытовым» с современной точки зрения⁷⁴. С этой же позиции, вероятно, можно оценивать и назначение ножей, шильев, булавок с зооморфными навершиями.

Украшение деревянных ковшей головами птиц имеет параллели в прикладном искусстве Средних веков и даже в современных народных промыслах. В урало-алтайской мифологии ложка и ковш выступают в качестве орудий, с помощью или посредством которых творится мир. Они должны разделить (разъединить) нечто, дотоле единое. Собственно, этим действием и констатируется наличие в мире качественно различных сред, например земли и воды. Ложка и ковш (совок), являясь орудиями творения, в то же время выступают и как мера всего существующего в мире⁷⁵. Оформление ковшей (или только ручки) в виде стилизованного изображения водоплавающей птицы, которая выступает в космогонических мифах как творец вселенной, также служит дополнительным аргументом в пользу такого смыслового прочтения данной категории изделий.

⁷¹ *Кашина Е. А.* Искусство малых форм... Л. 90.

Kashina E. A., Iskusstvo malyh form..., L. 90.

⁷² *Мошинская В. И.* Указ. соч.; *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П.* Указ. соч. *Moshinskaja V. I., Op. cit.; Oshibkina S. V., Krajnov D. A., Zimina M. P., Op. cit.*

⁷³ *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица...

Gurina N. N., Vodoplavajushhaja ptica...

⁷⁴ *Кашина Е. А.* Искусство малых форм... Л. 82.

Kashina E. A., Iskusstvo malyh form..., L. 82.

⁷⁵ *Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 43–45.

Sagalaev A. M., Uralo-altajskaja mifologija: Simvol i arhetip, Novosibirsk, 1991, S. 43–45.

Вызывают интерес роговые «г-образные» изделия, увенчанные птичьей головой⁷⁶. Ряд исследователей высказывал мнение о том, что аналогичные изделия – это фаллические предметы, связанные с культом медведя и обрядами дефлорации⁷⁷. Е. А. Кашина относит их, а также ряд фрагментированных изделий по целому ряду признаков к ретушерам-отжимникам своеобразной конструкции: с роговой рукоятью с упором для большого пальца, ременной обвязкой, клинышком для дополнительной фиксации и сменной рабочей частью⁷⁸. Аналогии подобным орудиям исследователь обнаруживает в эскимосских этнографических коллекциях Аляски, а также в погребениях Эквенского могильника (Чукотка), относящегося к древнеэскимосской культуре.

Е. А. Кашина предлагает возможные объяснения смыслового значения зооморфного образа для данной категории изделий: идея творения, связанная во всей мифологической традиции народов Северной Евразии с космогоническим образом водоплавающей птицы, соединила в представлении энеолитического населения ретушер и птицу – человек, работающий ретушером, творит новое изделие, как птица творила мир. Образ птицы как посредника между небом и землей также мог находить свое символическое выражение в виде ретушера, являющегося посредником между человеческой рукой и кремневой заготовкой⁷⁹.

Изделия в виде головы лося со стоянок Володары и Сахтыш I⁸⁰ относятся к категории, определяемой исследователями как «ритуальные жезлы-посохи», («лосиноголовые жезлы», «г-образные жезлы»), характерные для искусства лесной полосы Евразии от Зауралья до Северной Европы с VI тыс. до н. э. до второй половины II тыс. до н. э.⁸¹ Вероятно, первая скульп-

⁷⁶ Воробьев Д. Н. Зооморфизм в искусстве... Л. 229. Рис. 24. Л. 235. Рис. 96.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 229, Ris. 24, L. 235, Ris. 96.

⁷⁷ Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимица М. П. Указ. соч.; Уткин А. В., Костылева Е. Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 3.

Oshibkina S. V., Krajinov D. A., Zimina M. P., *Op. cit.*; Utkin A. V., Kostyleva E. L., *Volosovskie skulpturnye modeli fallosa*, Tverskoj arheologicheskij sbornik, Tver', 2000, Vyp. 3.

⁷⁸ Кашина Е. А. Г-образные роговые предметы с головами птиц в энеолите лесной зоны Восточной Европы // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. Нижний Тагил, 2009.

Kashina E. A., *G-obraznye rogovye predmety s golovami ptic v jeneolite lesnoj zony Vostochnoj Evropy*, Uchenye zapiski NTGSPA, Obshhestvennye nauki, Nizhnij Tagil, 2009.

⁷⁹ Там же. С. 78.

Ibid, S. 78.

⁸⁰ Воробьев Д. Н. Зооморфизм в искусстве... Л. 245. Рис. 190. Л. 246. Рис. 192.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 245, Ris. 190, L. 246, Ris. 192.

⁸¹ Столяр А. Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М., 1983; Студзицкая С. В. Ритуальные «жезлы-посохи» неолита лесной полосы Евразии // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.

тура являлась навершием составного жезла. Об этом может свидетельствовать овальное углубление в основании челюсти, скорее всего являющееся пазом для соединения с каким-то иным предметом. «Г-образные жезлы» Н. Н. Гурина и К. Д. Лаушкин рассматривают в качестве самостоятельных цельных предметов – «жезлов-рукоятей»⁸², А. Д. Столяр считает их вставками или навершиями, прикреплявшимися к какой-то деревянной основе, т. е. частью составных жезлов⁸³.

«Лосиноголовые жезлы», по предположениям исследователей, принадлежали зрелым мужчинам («вождям», «шаманам»), занимавшим видное общественное положение, и выступали как своеобразные атрибуты родоплеменной власти, как символ лидера, мирового древа, соединяющего все сферы вселенной, мирового порядка⁸⁴.

Как считают А. М. Жульников и Е. А. Кашина, «лосиноголовый жезл» потенциально мог быть связан с каждым мужчиной коллектива, достигшим зрелого возраста и допущенным к осуществлению определенных сакральных полномочий⁸⁵. Об этом, по их мнению, свидетельствует количество дошедших до нас находок, материалы Оленеостровского могильника на Баренцевом море, а также ряд композиций на петроглифах Северной Европы. Исследователи предполагают, что резные «лосиноголовые жезлы» могли использоваться в «узкосемейных» и личных ритуалах, в том числе для испрашивания репродуктивной силы, благополучия и размножения зверей и всего живого. При этом образ лося мог осмысливаться как светлое космическое существо, олицетворяющее Вселенную, мировой порядок.

Stoljar A. D., *«Zhezly» onezhskih petroglifov i ih material'nye prototipy*, Izyskanija po mezolitu i neolitu SSSR, M., 1983; Studzickaja S. V., *Ritual'nye «zhezly-posohi» neolita lesnoj polosy Evrazii*, Aktual'nye problemy drevnej i srednevekovoj istorii Sibiri, Tomsk, 1997.

⁸² Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 47; Лаушкин К. Д. Онежское святилище // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Т. 5.

Gurina N. N., *Oleneostrovskij mogil'nik*, Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, M.; L., 1956, № 47; Laushkin K. D., *Onezhskoe svjatilishhe*, Skandinavskij sbornik, Tallin, 1962, T. 5.

⁸³ Столяр А. Д. Указ. соч.

Stoljar A. D., *Op. cit.*

⁸⁴ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник... С. 242; Столяр А. Д. Указ. соч. С. 153; Студзицкая С. В. Некоторые проблемы изучения первобытного искусства (эпохи неолита и раннего металла) // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова). М., 2004. С. 252.

Gurina N. N., *Oleneostrovskij mogil'nik...*, S. 242; Stoljar A. D., *Op. cit.*, S. 153; Studzickaja S. V., *Nekotorye problemy izuchenija pervobytnogo iskusstva (jepohi neolita i rannego metalla)*, Problemy pervobytnoj arheologii Evrazii (k 75-letiju A. A. Formozova), M., 2004, S. 252.

⁸⁵ Жульников А. М., Кашина Е. А. «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010. № 2 (42). С. 71–78.

Zhul'nikov A. M., Kashina E. A., *«Losinogolovye zhezly» v kul'ture drevnego naselenija Zaural'ja, Severnoj i Vostochnoj Evropy*, Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii, Novosibirsk, 2010, № 2 (42), S. 71–78.

Некоторые исследователи полагают, что отдельные кремневые скульптуры⁸⁶ воспроизводят, хотя и сильно стилизовано, этот же символ («г-образные лосиноголовые жезлы»)⁸⁷.

Вероятно, схожими функциями обладали и скульптурные изображения лосей и фантастического существа, относящихся к бутовской мезолитической культуре⁸⁸, которые исследователи трактуют как навершия клевцов, но предполагают ритуальное их использование⁸⁹.

Часть исследователей считает, что отсутствие в изображениях лосей рогов является символическим знаком осенне-зимнего периода, когда самцы этого вида копытных сбрасывают рога⁹⁰. Как указывалось нами выше, для жителей таежной зоны лось как зооморфный символ осенне-зимнего календарного периода был столь же универсален в древней календарной символике, как и символ весны – медведь или водоплавающая птица⁹¹.

Сам отбор в качестве сюжета для изображения лося – животного, сохраняющего лидерство в промысловой иерархии на протяжении тысячелетий, – уже может указывать на определенную связь этих изображений с промысловыми обрядами. Об этом может свидетельствовать контекст обнаружения двух изображений лося в составе «ритуальных кладов» на стоянке Володары. Так называемые «ритуальные клады» волосовской культуры известны на целом ряде поселений Волго-Окского междуречья. Их назначение пока до конца не ясно. Одно изображение лося было обнаружено в составе «ритуального клада» № 7, который был найден под культурным слоем, где прослеживалось мощное скопление костей животных. Преобладали кости лося, в небольшом количестве имелись также кости медведя, бобра, лисицы, куницы, зайца, птиц и рыб. Наверху скопления костей находился череп крупного волка. Кремневые орудия и отщепы вместе с ук-

⁸⁶ Воробьев Д. Н. Зооморфизм в искусстве... Л. 249. Рис. 236–239.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 249, Ris. 236–239.

⁸⁷ Никитин В. В. Кремневая скульптура и мелкая глиняная пластика неолитических племен лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. 1. С. 42; Студзичка С. В. Ритуальные «жезлы-посохи»... С. 99–100.

Nikitin V. V., *Kremnevaja skul'ptura i melkaja glinjanaja plastika neoliticheskikh plemen lesnoj zony Srednego Povolzh'ja*, Problemy izuchenija jepohi pervobytnosti i rannego srednevekov'ja lesnoj zony Vostochnoj Evropy, Ivanovo, 1994, Vyp. 1, S. 42; Studzickaja S. V., *Ritual'nye «zhezly-posohi»...*, S. 99–100.

⁸⁸ Воробьев Д. Н. Зооморфизм в искусстве... Л. 244. Рис. 178–180. Л. 257. Рис. 322.

Vorob'ev D. N., *Zoomorfizm v iskusstve...*, L. 244, Ris. 178–180, L. 257, Ris. 322.

⁸⁹ Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001. С. 215.

Zhilin M. G., *Kostjanaja industrija mezolita lesnoj zony Vostochnoj Evropy*, M., 2001, S. 215.

⁹⁰ Жульников А. М. Указ. соч. С. 57.

Zhul'nikov A. M., *Op. cit.*, S. 57.

⁹¹ Конаков Н. Д. Календарная символика уральского язычества. Сыктывкар, 1990. С. 15; Жульников А. М. Указ. соч. С. 44.

Konakov N. D., *Kalendarnaja simbolika ural'skogo jazychestva*, Syktyvkar, 1990, S. 15; Zhul'nikov A. M., *Op. cit.*, S. 44.

рашениями лежали компактно и были интенсивно окрашены красной краской. Другая скульптура головы лося была обнаружена на этой же стоянке в скоплении костей животных, вероятно, тоже в составе «ритуального клада». Рядом находились четыре целые челюсти лосей, черепа лося, бобра, куницы и выдры⁹².

Некоторые исследователи интерпретируют данные скопления как своеобразные охотничьи святилища, на которых совершались обрядовые церемонии, связанные с промысловым культом⁹³. Сведения об охотничьих святилищах имеются и в этнографических источниках. По сведениям В. М. Кулемзина, в культе лося у васюганских хантов особенно четко прослеживаются представления, связанные с верой в возрождение промысловых животных⁹⁴. Особые охотничьи святилища были известны и у лозьвинских и сосьвинских вогулов⁹⁵.

Дополнительной проблемой при определении смыслового значения изображений является характер передачи зооморфного образа. Больше трети учтенных изображений передают зооморфную фигуру не целиком, а только часть – голову или конечность. Большинство исследователей решают эту проблему в соответствии с формулой «pars pro toto» – «часть вместо целого». Е. И. Оятева против такого подхода и считает, что понимать соотношение части и целого как адекватную замену целого частью неправомерно⁹⁶.

О существовании семантической иерархии частей животного свидетельствуют и этнографические данные. На «медвежьих праздниках» у народов Сибири раздел туши и её поедание происходило в соответствии с семантической значимостью частей и достоинством гостей. Самой почетной частью считалась голова, затем учитывались правая сторона и левая, а потом конечности, сначала задние, затем передние⁹⁷.

Таким образом, определение функционального и смыслового значения зооморфных изображений – задача сложная, и вопросы, связанные с ними – дискуссионны. Предпринятая в данной статье попытка проследить их семантику показала крайнюю многозначность отдельных образов-

⁹² Цветкова И. К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 103, 109.

Cvetkova I. K., *Ritual'nye «klady» stojanki Volodary*, Pamjatniki drevnejshej istorii Evrazii, M., 1975, S. 103, 109.

⁹³ Студзицкая С. В. Некоторые проблемы... С. 248.

Studzickaja S. V., *Nekotorye problemy...*, S. 248.

⁹⁴ Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX в.) // Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 36.

Kulemzin V. M., *Shamanstvo vasjugansko-vahovskih hantov (konec XIX – nachalo XX v.)*, Iz istorii shamanstva, Tomsk, 1976, S. 36.

⁹⁵ Косарев М. Ф. Особенности языческого миропонимания... С. 102.

Kosarev M. F., *Osobennosti jazycheskogo miroponimaniya...*, S. 102.

⁹⁶ Оятева Е. И. Указ. соч. С. 52.

Ojateva E. I., *Op. cit.*, S. 52.

⁹⁷ Крейнович Е. А. О культе медведя у нивхов // Страны и народы Востока. М., 1982. Вып. 24.

Krejnovich E. A., *O kul'te medvedja u nivhov*, Strany i narody Vostoka, M., 1982, Vyp. 24.

знаков. На протяжении рассматриваемых периодов мезолита – неолита – энеолита существовавшая знаковая система не была единой и неизменной, что выразилось прежде всего в разном наборе образов-символов и их знаковой функции. Возможно, тем общим и основным, что отображалось посредством этих систем, являлась трёхуровневая схема мироустройства. Следует, вероятно, согласиться с той точкой зрения, что только в эпоху неолита – энеолита она сложилась в том виде, в каком она нам известна по этнографическим данным⁹⁸. В отношении предшествующего периода (поздний мезолит – ранний неолит) на материале с территории Верхнего и Среднего Поволжья эта схема из трех уровней не так очевидна: среди изображений на данной территории представлены преимущественно два образа – лось и водоплавающая птица, поэтому можно предполагать, что на данном этапе они могли осмысливаться скорее как календарные символы осенне-зимнего и весенне-летнего сезонов. Впрочем, это не исключает и другие значения, поскольку, как уже отмечалось выше, следует иметь в виду многозначность представленных зооморфных образов: конкретное смысловое значение могло в определенной степени зависеть от функции и формы бытования самого символа.

Список литературы:

1. *Анисимов А. Ф.* Представления эвенков о шингкэн'ах и проблема происхождения первобытной религии // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 160–194.
2. *Антонова Е. В., Раевский Д. С.* О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока / под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1991. С. 207–232.
3. *Габяшев Р. С., Беговатов Е. А.* Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1984. Вып. 8: Новые памятники археологии Волго-Камья. С. 64–87.
4. *Гаврилова И. В.* Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1972. Вып. 131. С. 115–118.
5. *Головнев А. В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 600 с.
6. *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1972. Вып. 131. С. 36–45.
7. *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. № 47. 432 с.

⁹⁸ *Жульников А. М., Кашина Е. А.* Образ птицы... С. 15.
Zhul'nikov A. M., Kashina E. A., Obraz pticy..., S. 15.

8. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.
9. Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
10. Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
11. Жульников А. М., Кашина Е. А. «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. № 2 (42). С. 71–78.
12. Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы в искусстве неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы // Российская археология. 2010. № 2. С. 5–17.
13. Каверзнева Е. Д. Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // Российская археология. 1992. № 3. С. 147–159.
14. Кашина Е. А. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник / под ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. Вып. 6. Т. I. С. 406–413.
15. Кашина Е. А. Кремневая антропоморфная скульптура без рук в центре Русской равнины // Тверской археологический сборник / под ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10. Т. I. С. 462–467.
16. Ковалева В. Т., Цапко Ю. Г. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 4–28.
17. Конаков Н. Д. Календарная символика уральского язычества. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1990. 44 с.
18. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
19. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: ИЦ «СЛАВА!», ООО «Форт-профи», 2008. 416 с.
20. Косарев М. Ф. Сибирский тотемизм: иллюзия и действительность // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири / под ред. Л. А. Чиндиной. Томск: ТГУ, 2003. С. 100–105.
21. Косинская Л. Л. Сосуд со стоянки Бож-ты // Археология в пути или путь археолога. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Ч. 2. С. 120–126.
22. Крайнов Д. А., Уткин А. В. Погребения на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1991. Вып. 203. С. 73–78.
23. Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX в.) // Из истории шаманства / отв. ред. Н. В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 3–154.
24. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 223 с.

25. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
26. *Лозе И. А.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 174–182.
27. *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.
28. *Никитин В. В.* Волосовские племена на Средней Волге // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1978. Вып. 3: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. С. 21–63.
29. *Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука, 1992. 136 с.
30. *Оятева Е. И.* Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь: ПГПУ, 2003. 129 с.
31. *Пелих Г. И.* Селькупская мифология. Томск: ТГУ, 1998. 79 с.
32. *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М.: Астрель, АСТ, 2003. 464 с.
33. *Рыбаков Б. А.* Новые данные о культуре оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы / отв. ред. Л. В. Кольцов, М. П. Зими́на, О. С. Гадзяцкая. М.: Наука, 1976. С. 57–63.
34. *Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. 156 с.
35. *Столяр А. Д.* «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М.: Наука, 1983. С. 145–158.
36. *Студзицкая С. В.* Некоторые проблемы изучения первобытного искусства (эпохи неолита и раннего металла) // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова) / ред. и сост. В. И. Гуляев, С. В. Кузьминых. М.: Изд-во Института археологии РАН, 2004. С. 243–256.
37. *Студзицкая С. В.* Ритуальные «жезлы-посохи» неолита лесной полосы Евразии // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири / отв. ред. А. И. Боброва. Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 95–103.
38. *Топоров В. Н.* Животные // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энцикл.; Олимп, 1997. Т. 1. С. 448–449.
39. *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности / отв. ред. А. Н. Шамин. М.: Наука, 1982. С. 8–40.
40. *Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Скульптурные изображения змей в эпохи мезолита – энеолита в лесной зоне Восточной Европы // Тверской археологический сборник / под ред. И. Н. Черных. Тверь: Твер. обл. типогр., 2000. Вып. 4. Т. I. С. 217–223.
41. *Цветкова И. К.* Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии / отв. ред. П. М. Кожин, Л. В. Кольцов, М. П. Зими́на. М.: Наука, 1975. С. 102–111.

TO THE QUESTION ABOUT THE FUNCTION AND SEMANTICS OF ZOOMORPHIC IMAGES OF MESOLITHIC – ENEOLITHIC PERIODS IN THE UPPER AND MIDDLE VOLGA REGION

D. N. Vorobjev

The Tver' State University,
the Dept of Socio-cultural Service, Tver', Russia

An attempt is made to determine the functional and semantic meaning of zoomorphic images of the Mesolithic – Eneolithic period from the territory of the Upper and Middle Volga region. Determine the function of the products helps their structural and morphological analysis, search for analogies and information about the context of detection. Ethnographic data are used to clarify the semantics of images. It should be noted that zoomorphic images were placed on functionally different things, most often used for ritual purposes. Most products are interpreted as pendants or stripes, which were personal charms and talismans. The depicted animals acted as signs that at different times could symbolize the totemistic ancestor, the owners of lands and animals, the soul of a deceased relative, calendar seasons, a three-level scheme of the world order.

Key words: *zoomorphic images, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, the Upper and Middle Volga region, function, semantics.*

Об авторе:

ВОРОБЬЁВ Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-культурного сервиса, Тверской государственной университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 202), e-mail: Vorobev.DN@tversu.ru

About the author:

VOROBYEV Dmitry Nikolaevich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Socio-cultural Service, The Tver' State University (170100, Russia, Tver', Trekhsvyatskaya str., 16/31, off. 202), e-mail: Vorobev.DN@tversu.ru

References

- Anisimov A. F., *Predstavlenija jevenkov o shingkjen'ah i problema proishozhdenija pervobytnoj religii*, Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii, M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949, T. 12, S. 160–194.
- Antonova E. V., Raevskij D. S., *O znakovoj sushhnosti veshhestvennyh pamjatnikov i o sposobah ee interpretacii*, Problemy interpretacii pamjatnikov kul'tury Vostoka, pod red. B. A. Litvinskogo, M.: Nauka, 1991, S. 207–232.
- Gabjashev R. S., Begovatov E. A., *Tenishevskij («Sorokin Bugor») jeneoliticheskiy mogil'nik (predvaritel'naja publikacija)*, Arheologija i jetnografija Marijskogo

- kraja, Joshkar-Ola: Izd-vo MarNII, 1984, Vyp. 8: Novye pamjatniki arheologii Volgo-Kam'ja, S. 64–87.
- Gavrilova I. V., *Zoomorfnye izobrazhenija na keramike Fedorovskogo poselenija*, Kratkie soobshhenija Instituta arheologii, M.: Nauka, 1972, Vyp. 131, S. 115–118.
- Golovnev A. V., *Govorjashhie kul'tury: Tradicii samodijcev i ugrov*, Ekaterinburg: UrO RAN, 1995, 600 s.
- Gurina N. N., *Vodoplavajushhaja ptica v iskusstve neoliticheskikh lesnyh plemen*, Kratkie soobshhenija Instituta arheologii, M.: Nauka, 1972, Vyp. 131, S. 36–45.
- Gurina N. N., *Oleneostrovskij mogil'nik*, Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956, № 47, 432 s.
- D'jakonov I. M., *Arhaicheskie mify Vostoka i Zapada*, M.: Nauka, 1990, 247 s.
- Zhilin M. G., *Kostjanaja industrija mezolita lesnoj zony Vostochnoj Evropy*, M.: Jeditorial URSS, 2001, 328 s.
- Zhul'nikov A. M., *Petroglify Karelii: Obraz mira i miry obrazov*, Petrozavodsk: Skandinavija, 2006, 224 s.
- Zhul'nikov A. M., Kashina E. A., «*Losinogolovye zhezly*» v kul'ture drevnego naselenija Zaural'ja, Severnoj i Vostochnoj Evropy, Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii, Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN, 2010, № 2 (42), S. 71–78.
- Zhul'nikov A. M., Kashina E. A., *Obraz pticy v iskusstve neolita–jeneolita lesnoj zony Vostochnoj Evropy*, Rossijskaja arheologija, 2010, № 2, S. 5–17.
- Kaverzneva E. D., *Shagarskij mogil'nik konca III – nachala II tysjacheletija do n.je. v Central'noj Meshhere*, Rossijskaja arheologija, 1992, № 3, S. 147–159.
- Kashina E. A., *G-obraznye rogovye predmety s golovami ptic v jeneolite lesnoj zony Vostochnoj Evropy*, Uchenye zapiski NTGSPA, Obshhestvennye nauki, otv. red. O. V. Ryzhkova, Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2009, S. 72–78.
- Kashina E. A., *K voprosu ob antropomorfnyh izobrazhenijah iz kremnja v lesnoj zone Evropejskoj Rossii*, Tverskoj arheologicheskij sbornik, pod red. I. N. Chernyh, Tver': Triada, 2006, Vyp. 6, T. I, S. 406–413.
- Kashina E. A., *Kremnevaja antropomorfnaia skul'ptura bez ruk v centre Russkoj ravniny*, Tverskoj arheologicheskij sbornik, pod red. I. N. Chernyh, Tver': Triada, 2015, Vyp. 10, T. I, S. 462–467.
- Kovaleva V. T., Capko Ju. G., *Problema jevoljucii hudozhestvennogo stilja i kul'tury naselenija lesnoj zony Urala v kamennom veke*, Voprosy arheologii Urala, Ekaterinburg: UrGU, 1998, Vyp. 23, S. 4–28.
- Konakov N. D., *Kalendarnaja simbolika ural'skogo jazychestva*, Syktyvkar: Komi nauch. centr UrO AN SSSR, 1990, 44 s.
- Kosarev M. F., *Zapadnaja Sibir' v drevnosti*, M.: Nauka, 1984, 245 s.
- Kosarev M. F., *Osnovy jazycheskogo miroponimanija: Po sibirskim arheologo-jetnograficheskim materialam*, M.: IC «SLAVA!», OOO «Fort-profi», 2008, 416 s.
- Kosarev M. F., *Sibirskij totemizm: illjuzija i dejstvitel'nost'*, Arheologo-jetnograficheskie issledovanija v juzhnotaezhnoj zone Zapadnoj Sibiri, pod red. L. A. Chindinoj, Tomsk: TGU, 2003, S. 100–105.

- Kosinskaja L. L., *Sosud so stojanki Bozh-ty*, Arheologija v puti ili put' arheologa, SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001, Ch. 2, S. 120–126.
- Krajnov D. A., Utkin A. V., *Pogrebenija na stojanke Sahtysh I*, Kratkie soobshhenija Instituta arheologii, M.: Nauka, 1991, Vyp. 203, S. 73–78.
- Kulemzin V. M., *Shamanstvo vasjugansko-vahovskih hantov (konec XIX – nachalo XX v.)*, Iz istorii shamanstva, otv. red. N. V. Lukina, Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1976, S. 3–154.
- Kulemzin V. M., Lukina N. V., *Vasjugansko-vahovskie hanty v konce XIX – nachale XX vv. Jetnograficheskie ocherki*, Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1977, 223 s.
- Levi-Stros K., *Pervobytnoe myshlenie*, per., vstup. st. i prim. A. B. Ostrovskogo, M.: Respublika, 1994, 384 s.
- Loze I. A., *Reznaja skul'ptura kamennogo veka Vostochnoj Pribaltiki v sootnoshenii s ural'skoj skul'pturoj*, Problemy arheologii Urala i Sibiri, M.: Nauka, 1973, S. 174–182.
- Moshinskaja V. I., *Drevnjaja skul'ptura Urala i Zapadnoj Sibiri*, M.: Nauka, 1976, 132 s.
- Nikitin V. V., *Volosovskie plemena na Srednej Volge*, Arheologija i jetnografija Marijskogo kraja, Joshkar-Ola: Izd-vo MarNII, 1978, Vyp. 3: Lesnaja polosa Vostochnoj Evropy v volosovsko-turbinskoe vremja, S. 21–63.
- Oshibkina S. V., Krajnov D. A., Zimina M. P., *Iskusstvo kamennogo veka: Lesnaja zona Vostochnoj Evropy*, M.: Nauka, 1992, 136 s.
- Ojateva E. I., *Iskusstvo Prikam'ja po materialam hudozhestvennoj metallicheskoj plastiki*, Perm': PGPU, 2003, 129 s.
- Pelih G. I., *Sel'kupskaja mifologija*, Tomsk: TGU, 1998, 79 s.
- Petruhin V. Ja., *Mify finno-ugrov*, M.: Astrel', AST, 2003, 464 s.
- Rybakov B. A., *Novye dannye o kul'te olenja*, Vostochnaja Evropa v jepohu kamnja i bronzy, otv. red. L. V. Kol'cov, M. P. Zimina, O. S. Gadzjackaja, M.: Nauka, 1976, S. 57–63.
- Sagalaev A. M., *Uralo-altajskaja mifologija: Simvol i arhetip*, Novosibirsk: Nauka, Sib. otd., 1991, 156 s.
- Solov'ev B. S., *Novye raskopki poselenija Galankina Gora*, Arheologija i jetnografija Marijskogo kraja, Joshkar-Ola: Izd-vo MarNII, 1987, Vyp. 13: Drevnosti Srednego Povolzh'ja, S. 67–84.
- Stoljar A. D., *«Zhezly» onezhskih petroglifov i ih material'nye prototypy*, Izyskanija po mezolitu i neolitu SSSR, M.: Nauka, 1983, S. 145–158.
- Studzickaja S. V., *Nekotorye problemy izuchenija pervobytnogo iskusstva (jepohi neolita i rannego metalla)*, Problemy pervobytnoj arheologii Evrazii (k 75-letiju A. A. Formozova), red. i sost. V. I. Guljaev, S. V. Kuz'minyh, M.: Izd-vo Instituta arheologii RAN, 2004, S. 243–256.
- Studzickaja S. V., *Ritual'nye «zhezly-posohi» neolita lesnoj polosy Evrazii*, Aktual'nye problemy drevnej i srednevekovoj istorii Sibiri, otv. red. A. I. Bobrova, Tomsk: Tom. gos. un-t sistem upravlenija i radioelektroniki, 1997, S. 95–103.
- Toporov V. N., *Zhivotnye*, Mify narodov mira: jenciklopedija, gl. red. S. A. Tokarev, M.: Ros. jencikl., Olimp, 1997, T. 1, S. 448–449.

- Toporov V. N., *Pervobytnye predstavlenija o mire (obshhij vzgljad)*, Ocherki istorii estestvennonauchnyh znaniy v drevnosti, otv. red. A. N. Shamin, M.: Nauka, 1982, S. 8–40.
- Utkin A. V., Kostyleva E. L., *Skul'pturnye izobrazhenija zmej v jepohi mezolita – jeneolita v lesnoj zone Vostochnoj Evropy*, Tverskoj arheologicheskij sbornik, pod red. I. N. Chernyh, Tver': Tver. obl. tipogr., 2000, Vyp. 4, T. I, S. 217–223.
- Cvetkova I. K., *Ritual'nye «klady» stojanki Volodary*, Pamjatniki drevnejshej istorii Evrazii, otv. red. P. M. Kozhin, L. V. Kol'cov, M. P. Zimina, M., Nauka, 1975, S. 102–111.

Статья поступила в редакцию 18.09.2018 г.